

В заключающем выступлении М. Пийо, президент Французской антропологической ассоциации, высказал большое удовлетворение содержанием этой международной встречи и сказал, что размышления о путях развития советской антропологии, которыми поделились друг с другом ее участники, чрезвычайно его заинтересовали. Вместе с тем, отметил он, проблемы и трудности, с которыми сталкиваются советские исследователи, не представляются ему ни уникальными, ни специфически советскими. С такими проблемами и трудностями приходится иметь дело антропологам во всем мире. В каждой стране, и в том числе во Франции, есть вопросы, тесно связанные с государственной политикой и идеологией, есть темы, о которых трудно писать непредвзято и говорить открыто. Во Франции — такова проблема французского национального самосознания. Чтобы научиться преодолевать такие трудности, антропологи должны включить самих себя в поле своих исследований, и проведенный коллоквиум явился одним из шагов в этом направлении.

Заканчивая отчет об этой встрече, вместо обобщающего заключения приведу слова из выступления М. В. Крюкова, которые, как представляется, в сложившейся ситуации были найдены очень удачно: «Цель проведенного коллоквиума — способствовать поискам взаимодоступного языка и сближению позиций советских и зарубежных антропологов, и это сильно отличает данную встречу от многих прежних, в которых участники нередко стремились к углублению конфронтации и считали своим долгом во что бы то ни стало опровергать любую критику. Поэтому хотя со многим услышанным трудно согласиться и многое показалось нам не вполне справедливым, в современных условиях важнее прежде всего думать о том, с чем все-таки мы можем согласиться, а уж потом не спеша и обстоятельно начать разбираться в том, что нам не близко».

Следует также выразить признательность всем организаторам коллоквиума и в особенности ученому секретарю коллоквиума доктору В. Береловичу, на долю которого выпала значительная часть организационных забот.

О. Ю. Артемова

ХІХ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В мае 1988 г. в Москве в Институте востоковедения АН СССР состоялась очередная XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании. В работе конференции приняли участие австраловеды и океанисты Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Владивостока, Курска, Новосибирска, Запорожья и других городов. С докладами выступили представители различных научных дисциплин: экономисты, политологи, историки, этнографы, археологи, литературоведы, лингвисты. К началу конференции как всегда были опубликованы расширенные (до 0,4 п. л.) тезисы докладов*.

Председатель конференции К. В. М а л а х о в с к и й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в своем вступительном слове подчеркнул, что события, происходящие ныне в Австралии и Океании, привлекают к себе все более пристальное внимание мировой общественности. Раздаются голоса (в частности, в Японии) о том, что наступает «тихоокеанская эра», которая заменит «эру стран Атлантического океана». В Австралии, Новой Зеландии и других странах происходят ныне важные экономические и политические процессы. В молодых государствах Океании разворачивается борьба против неокOLONИализма. На островах и архипелагах, еще не добившихся политической независимости, вспыхивают восстания против колониального гнета. Тихий океан перестал быть тихим. Происходящие там бурные события требуют глубокого изучения и правильной оценки.

Значительная часть докладов на конференции была посвящена проблемам экономики, политики и истории стран Тихоокеанского региона. Проблемы экономики освещались в докладах В. Я. А р х и п о в а (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Австралия и АСЕАН: экономические отношения в первой половине 80-х годов»; М. М. С о л о д к и н а (Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, Москва) — «200 лет развития капитализма в Австралии (опыт и уроки развития»); М. А. М а к о в с к о й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные тенденции развития экономики Австралии»; К. Ю. Л и п о в с к и й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Некоторые проблемы морского торгового судоходства в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 80-е годы».

Современные политические проблемы независимых государств Океании были проанализированы в докладах О. В. Ж а р о в о й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные этапы формирования партийно-политической системы Австралии» и А. В. Т о р к у н о в а (Ин-т международных отношений, Москва) — «Новые тенденции в развитии обстановки в странах Океании и в их внешнеполитических связях».

* Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тез. докл. Часть I, стр. 3—124; Часть II, стр. 125—302. М., 1988. В настоящем сообщении упоминаются только те доклады, которые были прочитаны на конференции.

Некоторые проблемы истории Австралии и Океании рассмотрели Г. И. Каневская (Дальневосточный ин-т, Владивосток) — «Роль межколониальных конференций 60—70-х годов XIX в. в развитии федеративного движения в Австралии»; А. Н. Первинов (Высшая школа профдвижения, Москва) — «Профсоюзы Австралии и антирабочее законодательство М. Фрейзера»; А. И. Саваченко (Запорожский гос. ун-т) — «Большевики и российская трудовая эмиграция в Австралии (1907—1917 гг.)».

О ценных этнографических материалах, собранных русскими мореплавателями в Австралии и Океании в XIX в., говорили А. Я. Массов и Е. В. Говор. А. Я. Массов (Кораблестроительный ин-т, Ленинград) в докладе «Плавание русского корвета „Рында“ в Австралии на празднование столетия английских колоний на континенте», построенном в основном на неопубликованных архивных материалах, не ограничился тем, что привел сведения о праздновании в Австралии столетнего юбилея, но рассказал также о пребывании «Рынды» в Порт-Морсби (Новая Гвинея), на островах Фиджи и Самоа, на острове Уалан (Каролинский архипелаг). Участники плавания, отметил он, приводят в своих описаниях сведения, представляющие большой интерес для историков и этнографов. Е. В. Говор (Географическое об-во СССР, Москва) в докладе «Русские моряки и путешественники на Соломоновых островах во второй половине XIX века» привлекла внимание к мало известным источникам по этнографии меланезийцев Соломоновых островов — наблюдениям участников плаваний на шлюпе «Аполлон» (1822 г.), на корвете «Боярин» (1870 г.), на крейсере «Крейсер» (1894 г.). Эти наблюдения, опубликованные в трудно доступных ныне изданиях, ценны тем, что дают представление о культуре меланезийцев Соломоновых островов на самых первых этапах европейской колонизации, т. е. почти не затронутой внешними влияниями.

С докладами по проблемам литературоведения и лингвистики выступили: Л. А. Шевалдин (Воронежский ун-т) — «О сборнике рассказов Л. Робинсона „Дядюшка Жираф“, Е. Ю. Емельянова (Новосибирский ун-т) — «Роман Патрика Уайта „Фосс“. Опыт анализа»; В. В. Ощепкова (Московский областной институт им. Н. К. Крупской) — «Слова-реалии австрализмы как образные наименования». Доклад В. В. Ощепковой можно отнести, скорее, к разряду этнолингвистических — в нем речь шла о словах и фразах, тесно связанных со специфической природной средой Австралии и особенностями в образе жизни ее обитателей, в том числе аборигенов. В Австралии «июнь — середина зимы» (это выражение приобрело характер пословицы). Для австралийца «Дальний Восток» — это то, что для европейца «Ближний Восток»; «динго» — в переносном значении «предатель»; «бэндикут» — в переносном значении «враг» (опустошает сады и огороды); «акация» — в переносном значении «хижина» (первые европейские поселенцы в Австралии строили хижины из прутьев акации). Изображения акации, эвкалипта и кенгуру входят в герб Австралии и символизируют страну в целом. «Булламаканка» — название деревни, упоминающейся в мифе аборигенов, употребляется в смысле «очень далеко». К сожалению, отметила В. В. Ощепкова, такие значения слов и выражений обычно не упоминаются в словарях.

В ходе ежегодных конференций по изучению Австралии и Океании и тесных контактов между этнографами и литературоведами постепенно формируется новая отрасль научных знаний — этнолитературоведение. Среди аборигенов Австралии и коренных океанийцев (папуасов, меланезийцев, полинезийцев, микронезийцев) появились свои писатели и поэты, уделяющие в художественных произведениях значительное внимание тому, что составляет предмет этнографической науки. Их произведения, помимо своих художественных достоинств, имеют еще одно — они могут быть использованы в качестве этнографического источника. На конференции были сделаны два этнолитературоведческих доклада. А. С. Петриковская (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в докладе «Новейшая маорийская проза (принципы жизнеустройства и межэтнические отношения)» рассказала о четырех романах писателей-маори: «Матриарх» (1986 г., автор — Вити Ихимаэра), «Мутувеца» и «Потики» (1978 г. и 1986 г., автор — Патриция Грейс), «Продолжатели рода» (1984 г., автор — Керри Хьюм). Центральная проблема для авторов этих романов — сохранение лучших черт маорийской культуры, таких как коллективизм, взаимная помощь, связь с родной землей. Вити Ихимаэра, писатель и музыкант, называет части своего романа актами; он стремится собрать все, что уцелело в памяти народа, как «осколки разбитой флейты», и воскресить «мелодию» старины. Писатели-маори пишут на английском языке, но они стоят на родной почве и верны маорийским традициям.

Еще ближе к этнографии доклад О. В. Зернецкой (Ин-т социальных проблем зарубежных стран АН УССР, Киев) «Мир детства в литературе маори» (подразумевается художественная литература). Тема детства занимает большое и важное место в творчестве маорийских писателей. Для них это тема связи старшего и младшего поколений (в первую очередь дедушек — бабушек и внуков — внучек). Об этом идет речь в романе «Ванау» (1974 г., автор — Вити Ихимаэра; русский перевод — 1979 г.), в рассказах того же писателя «Кит», «Танги», «За соседским забором»; в рассказах Рики Эрики «Сущий дьяволенок», «Запретное дерево»; в рассказе Патриции Грейс «Парад» и ряде других. Писатели-маори, говоря о детстве, ставят важные социальные и культурные проблемы — передача стариками культурного наследия «маоританга» юным; дружба между маори и пакеха и др.

Два доклада были посвящены проблемам археологии. П. И. Борисковский (Ин-т археологии АН СССР, Ленинград) в докладе «Древний каменный век Австралии, Тасмании и Новой Гвинеи» отметил, что согласно новейшим радиоуглеродным данным заселение Австралии и Новой Гвинеи (в плейстоцене они представляли единый массив суши) началось 50—40 тыс. лет назад. Переселенцы из Индонезии и Индокитая принесли с собой макролитическую культуру. 5—6 тыс. лет назад эту культуру сменила микролитическая культура. Докладчик охарактеризовал различные локальные варианты древних культур (карта, каперти, гамбир, маунт-моффат, оэнпелли), ряд отдельных памятников. Заселение Тасмании началось, добавил он, около 23 тыс. лет назад. Здесь

древняя макролитическая культура не была сменена микролитической и существовала до XIX в. Докладчик указал далее на специфику палеолита Австралии — каменные орудия употреблялись почти исключительно для обработки дерева и изготовления деревянных орудий. Основу всей материальной культуры аборигенов составляли изделия из дерева.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Археологическое изучение Тимора» сообщила, что возраст ранних стоянок на Тиморе — 14 тыс. лет. Примерно 5 тыс. лет назад на острове появляются земледелие, домашние животные, керамика. По мнению Е. С. Соболевой, это дает основание полагать, что на Тимор прибыла новая группа переселенцев. Археологи, изучающие памятники Тимора, полагают (и надеются это доказать), что смена макролитической традиции микролитической имела место сначала в Восточной Индонезии, а потом уже в Австралии.

Собственно этнографии было посвящено 11 докладов. Два из них носили историографический характер. Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Н. Н. Миклухо-Маклай как общественный деятель» подчеркнул идейную связь Н. Н. Миклухо-Маклая с Н. Г. Чернышевским, с его теорией общинного социализма. Такой социализм Миклухо-Маклай решил построить на Новой Гвинее на основе папуасской общины. Он намерен был поселиться там навсегда, создать независимое государство (Папуасский Союз) и провести там, как пишет австралийская исследовательница Э. Вебстер, «социалистический эксперимент». Миклухо-Маклаю не удалось достичь своей цели. Но в конечном итоге дело, за которое он боролся, не жалея сил, времени и здоровья, восторжествовало: в 1975 г. на карте мира появилось политическое независимое государство — Папуа Новая Гвинея.

О. Ю. Артемова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Из истории отечественной этнографии: австраловедческие исследования А. Н. Максимова» отметила, что этот ученый, внесший немалый вклад в науку, вскоре после своей смерти оказался почти забытым. Между тем еще в 1913 г. он показал, что главной социальной ячейкой аборигенов Австралии являлась община, а не род. Еще в 1909 г. он установил, что ни брачные классы, ни системы родства аборигенов не свидетельствуют о существовании у них группового брака. До сих пор сохраняет свое значение последняя работа А. Н. Максимова «Материнское право в Австралии» (1930 г.). Его взгляды шли вразрез с господствовавшими в то время в советской этнографии концепциями. Он был отстранен от преподавания в Московском университете и последние годы жизни вел библиографическую работу в Библиотеке им. В. И. Ленина. Выступая по докладу об А. Н. Максимова, К. В. Малаховский обратил внимание на принципиальность ученого, который предпочел замолчать, но не пожелал приспособляться к общепринятым в то время концепциям.

Доклад В. Р. Кабо (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Шаманизм как форма религии раннепервобытного общества» был посвящен в основном зачаточным формам шаманизма у аборигенов Австралии. Попутно были упомянуты в этой связи семанги и сенон Малакки, кубу Суматры, андаманцы, бушмены, огнеземельцы и другие охотники и собиратели. В. Р. Кабо провел несколько аналогий между шаманством в его зачаточных формах свойственных бродячим охотникам и собирателям, и шаманством в его классических формах, свойственных народам Сибири и Центральной Азии. Весьма сходны, в частности, ритуалы посвящения в шаманы, состояние транса, вера в посещение шаманом страны духов, лечебные функции шамана и т. д. «Сохраняясь в более развитых общественных структурах, — заключил свой доклад В. Р. Кабо, — шаманизм в основе своей остается типичным порождением первобытных охотничьих культур».

П. Л. Белков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «К проблеме первобытного этноса (о некоторых параллелях между Австралией и Новой Гвинеей)» обратил внимание на противоречие, существующее, по его мнению, между понятием «этническая непрерывность» в Австралии и понятием «австралийское племя». Можно ли выделить обособленные племена в Австралии? «Если концепция „этнической непрерывности“ соответствует действительности, — заявил докладчик, — ответ может быть только один: невозможно». На вопрос, почему исследователи все же выделяют в Австралии племена, П. Л. Белков указал, что каждый исследователь ведет отсчет от себя, и его основное местопребывание обычно является центром выделенного им племени. Такую же картину, добавил П. Л. Белков, выявил Н. А. Бутинов на Новой Гвинее, предложивший термин «контактная этническая общность» вместо термина «племя». В. Р. Кабо, выступая в прениях, возразил докладчику: границы между различными австралийскими языками или диалектами проводили опытные лингвисты, следовательно, языковая обособленность все же существует. Здесь, добавим мы от себя, нужно учитывать, что у аборигенов Австралии были свои критерии этнической близости или дальности, отличные от критериев чисто языковых.

Е. А. Киселева (Пединститут, Курск) в докладе «Этноботаника аборигенов Австралии» рассказала о том, как используют аборигены окружающие их растения для питания, лечения, изготовления временных жилищ, одежды, орудий труда, утвари, музыкальных инструментов, украшений и т. д. Многочисленные факты, приведенные в докладе, позволили ей прийти к выводу о том, что «аборигены выделяли в растениях все известные современной ботанике элементы — древесину, кору, листья, цветы, семена и каждому находили применение».

Н. И. Новикова (Музей антропологии МГУ, Москва) в докладе «Путешествие К. Д. Бальмонта в Австралию и Океанию» рассказала о «заморском» путешествии поэта Константина Бальмонта, которое продолжалось почти весь 1912 год. По просьбе Д. Н. Анучина, с которым Бальмонт был в переписке, он привез интересные этнографические коллекции из Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинее, Соломоновых островов, Самоа, Фиджи и других стран. «Я понимаю, — писал К. Бальмонт, — почему Миклухо-Маклай, с детства меня пленивший, так возлюбил Папуа и был ими возлюблен». Н. И. Новикова кратко охарактеризовала привезенные К. Бальмонтом австралийские и океанийские этнографические коллекции, хранящиеся ныне в Музее антропологии МГУ.

Л. Г. Стефанчук (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в докладе «Изменения в демографической и социально-профессиональной структуре маорийского населения» указала на постепенный рост численности маори (вопреки некогда имевшим место прогнозам об их «неизбежном» вымирании). Особенно важно то, что постепенно увеличивается доля маори в общей численности жителей страны (с 6% в 1951 г. до 8,8% в 1981 г.). Растет продолжительность жизни маори, хотя она еще меньше, чем у англоновозеландцев: у женщин — на 8,5 лет, у мужчин — на 6 лет. Однако площадь земель, оставшихся в распоряжении маори, продолжает сокращаться. Маори уходят в города, пополняя ряды разнорабочих. В результате, подчеркнула Л. Г. Стефанчук, маори из сельских жителей превратились в горожан и образ их жизни кардинально изменился по сравнению даже с тем, что было до второй мировой войны, когда 80% маори жили в деревнях (сейчас, наоборот, 80% маори живет в городах).

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Некоторые историко-этнографические особенности Полинезии» высказал предположение о том, что письменность в Полинезии когда-то имела не только на острове Пасхи, но и на других островах и архипелагах, но затем была утрачена. Причину утраты полинезийцами письменности, а также гонимости нужно, по мнению К. Ю. Мешкова, видеть в смене власти жрецов (хранителей знаний) властью военных вождей, причем последние, как он полагает, могли не просто забыть письменность, но и намеренно ее уничтожить.

И. К. Федорова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Церемония избрания тангата ману как социальный институт» подчеркнула загадочный характер ежегодных выборов тангата ману (человека-птицы) на острове Пасхи. Пока неясно, когда совершался этот обряд, какова его социальная функция. По мнению И. К. Федоровой, сначала это было просто религиозно-магическое празднество; лишь примерно с 1780 г. оно превратилось в своеобразный политический акт — избрание верховного правителя острова и военного лидера на предстоящий год. Однако верховным правителем становился не сам тангата ману (это был как бы персонифицированный символ верховного правителя), а вождь того племени, к которому тангата ману принадлежал. В последний раз этот религиозно-спортивный обряд, как его называет И. К. Федорова, был зафиксирован в 1866 г.

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) в докладе «Материалы о культе вождей у полинезийцев в музейной экспозиции» охарактеризовала экспонаты отдела «Религия первобытного общества», наглядно раскрывающие социальную суть культа вождей. В Полинезии в прошлом веке вождь племени воспринимался как живое божество. Культ вождей у полинезийцев отражал усиление реальной власти вождей в обществе. Фотографии экспозиции показывают особые погребальные церемонии, совершавшиеся в честь вождя. Экспонированы также символы власти вождя — церемониальные палица (Маркизские острова) и весло (Новая Зеландия). Все, к чему прикасался вождь, становилось его собственностью. Материалы экспозиции иллюстрируют обряд наложения вождем табу на рощу кокосовых пальм. Институт табу использовался вождями для накопления материальных ценностей. Культ вождей в видоизмененной форме сохраняется в Полинезии и в наши дни. В докладе были приведены конкретные факты, свидетельствующие об этом.

В конце каждого заседания участники конференции обменивались мнениями по затронутым в докладах проблемам. Подводя итоги, К. В. Малаховский отметил, что в докладах и дискуссиях был затронут широкий круг вопросов, введены в научный оборот новые факты, сделаны важные выводы. Прозвучало, в частности, мнение о том, что представителем СССР необходимо более активно участвовать в работе комиссий Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, таких как комиссии по рыболовству, энергетике, транспорту, минеральным ресурсам, туризму.

М. С. Бутинова

ВЫСТАВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР НА КУБЕ

С 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. в г. Сантьяго-де-Куба (Республика Куба) экспонировалась выставка «Дети страны Советов», подготовленная Государственным музеем этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Она явилась одним из основных культурных мероприятий, проводимых в это время Дней Ленинграда в Сантьяго-де-Куба — городе-побратиме Ленинграда.

Выставка «Дети страны Советов» — первая советская этнографическая выставка, с которой познакомились жители города.

Она была подготовлена к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне и впервые экспонировалась в 1985 г. в Мраморном зале ГМЭ. В 1986 г. выставка побывала в Кампучии, в октябре 1987 г. во Вьетнаме. В зависимости от конкретных условий и задач экспонирования структура выставки и состав ее экспонатов менялись. Так, в Ленинграде, наряду с другими, выставки включала разделы: «Дети в творчестве советских графиков» (из фондов Союза художников РСФСР), «Дети и война». Объем экспонатов для Кампучии и Вьетнама был значительно сокращен, но в состав вы-